

© 1995 г., ЭО, № 4

Ценный вклад в историографию этнологической науки

Г. Е. Марков. Очерки истории немецкой науки о народах. Части 1—2. М., 1993. 392 с.

Необходимым условием успешного развития любой общественной науки является разработка проблем ее истории. Без глубокого знания истории своей дисциплины не может обойтись ни один обществовед, желающий внести в нее сколько-нибудь весомый вклад. И не в последнюю очередь это относится к исторической и этнологической наукам.

Но, к сожалению, историография никогда не была у нас в слишком большом почете. Работы по истории этнологии, опубликованные за последние десятилетия, можно перечислить буквально по пальцам. Плохо обстоит дело с историей отечественной этнографической науки. Не намного лучше и в области исследования зарубежной этнологии. Чем, собственно, мы здесь располагаем? Имеется книга М. О. Косвена «Матриархат. История проблемы» (М., 1948), содержащая капитальную, но тематически ограниченную — только проблемой материнского рода — историографию. В прекрасной работе С. А. Токарева «История зарубежной этнографии» (М., 1978) дан обзор развития этнологических знаний с середины XIX по середину XX в. Но в силу сравнительно небольшого объема труда многие эпизоды развития этнологической науки рассмотрены в ней очень кратко. Некоторые исследователи в ней полностью отсутствуют, а о многих других сказано буквально в нескольких строках. Переведена на русский язык работа Д. Коккьяра «История фольклористики в Европе» (М., 1960). Но хотя в ней немало страниц уделено истории западноевропейской этнологии, все же главное внимание автор уделяет возникновению и эволюции фольклористики. В последние десятилетия появилось несколько монографий, посвященных развитию этнологических знаний в отдельных странах. Но этими странами являются исключительно лишь Великобритания и США¹.

На русском языке до сих пор не было ни одной книги, в которой рассматривалось бы развитие немецкоязычной этнографии. Лишь время от времени в сборниках и журналах печатались отдельные статьи. Появление рецензируемого труда Г. Е. Маркова резко меняет ситуацию. Теперь в нашем распоряжении превосходная работа, в которой рассматривается развитие этнологических знаний не только в Германии, но также в Австрии и немецкой Швейцарии.

Как известно, немецкая наука о народах с самого начала совершенно отчетливо подразделялась на две во многом совершенно самостоятельные дисциплины. Та из них, которая занималась изучением внеевропейских народов, традиционно именовалась *Völkerkunde*, или этнологией. Вторая, предметом исследования которой в идеале являлись все европейские народы, но которая практически занималась в основном лишь немецкоязычными этносами, носила название *Volkskunde*. В качестве русского эквивалента этого термина Г. Е. Марков использует слово «народоведение». Общего названия для указанных двух научных дисциплин в немецкой науке не было.

В соответствии с таким положением вещей книга Г. Е. Маркова распадается на две части. В первой из них, которая носит название «Немецкая этнология», рассматривается история *Völkerkunde*, во второй — с заголовком «Немецкое народоведение» — эволюция *Volkskunde*.

«Основные задачи настоящей работы, — как это формулирует сам автор, — состоят в систематическом рассмотрении этнологических и народоведческих учений, их методологических основ и методических установок в связи с политической и общественной мыслью, в критическом анализе теоретических концепций, выявлении тематической и региональной направленности научной деятельности. Детальный разбор эмпирического материала в описательных работах выходит за границы историографической тематики, составляет предмет источниковедения и должен стать задачей другого исследования» (с. 14—15). И поставленные перед собой задачи Г. Е. Марков с блеском решил.

Разумеется, сравнительно небольшой объем книги не позволял ему достаточно подробно рассмотреть все эпизоды истории немецкой этнологии и немецкого народоведения. Поэтому автор сосредоточил свое основное внимание на наиболее важных фигурах и наиболее интересных работах.

Первая часть монографии состоит из четырех глав. В первой из них рассматривается зарождение немецкой этнологии и ее развитие почти до самого конца XIX в. Истинным «отцом немецкой этнологии» и ее ведущей фигурой в течение всего этого времени был А. Бастиан, которому автор посвящает немало страниц (с. 34—43). Уделяет он внимание и таким крупным ученым, как Т. Вайц, Г. Шурц, Ю. Липперт, А. Фиркандт, Ф. Лушан, К. Штейн. Почти до самого конца века в немецкой этнологии господствовала созданная А. Бастианом эволюционистская «теория развития». Но в конце этого периода она вступила в полосу кризиса.

Во второй главе «В поисках новых путей» дается характеристика концепций, пришедших на смену эволюционизму. Они обычно объединяются под названием «диффузионизма», что, по мнению Г. Е. Маркова, является не вполне точным, ибо сущность их к одному лишь принципу культурной диффузии не сводилась. Хотя глава в основном посвящена самому концу XIX в. и началу периода XX в. (до 1914 г.), большое место в ней уделено Ф. Ратцелю (1844—1904), которого принято считать предтечей

диффузионизма. Концепция «культурных зон» этого ученого была использована Ф. Гребнером, создавшим учение о «культурных кругах». В этой же главе освещаются начальные этапы научной деятельности таких выдающихся этнологов, как Л. Фробениус, В. Шмидт и Р. Турнвальд.

Много места уделено вкладу этих ученых в этнологическую науку в следующей (третьей) главе «Расцвет и упадок этнологии. „Золотые 1920-е“ и годы нацизма». С этим связано немалое число повторов, иногда буквальных. В общей сложности Л. Фробениусу, В. Шмидту и Р. Турнвальду посвящена треть объема первой части книги (85 с. из 253). И автора меньше всего можно за это упрекнуть. Эти странички — лучшие в первой части работы. Конечно, у нас и раньше писали об этих исследователях. Но очень коротко и не всегда объективно. Г. Е. Марков впервые в нашей историографической литературе дал подробные очерки научной деятельности этих трех крупнейших ученых, содержащие как глубокий анализ созданных ими концепций, так и обстоятельную характеристику их вклада в науку.

Переходя к эпохе нацизма, Г. Е. Марков показывает, что большинство немецких этнологов не приняло фашистских идей. Методологические и методические установки этой науки не претерпели в это время существенных изменений. Из числа тех немногих этнологов, которые все же перешли на позиции национал-социализма, автор особо выделяет В. Мюльмана. Подвергая резкой критике его расистские и антисемитские построения, Г. Е. Марков в то же время обращает внимание на тот определенный вклад, который был внесен в этнологическую науку этим ученым. В целом же, как показывает автор, 1933—1945 гг. были временем застоя в немецкой этнологии.

В четвертой главе «Немецкая этнология в первые послевоенные десятилетия» автор доводит историю немецкой этнологии до конца 1970-х годов. Хотя этот раздел очень невелик по объему (с. 234—247), он все же позволяет составить представление о том, что происходило в этнологии ФРГ и Западного Берлина в это время.

Как уже указывалось, вторая часть монографии Г. Е. Маркова посвящена истории немецкого народоведения. Для русского читателя она представляет особый интерес. Если об основных представителях немецкой этнологической науки мы худо-бедно, но все же что-то знали, то иначе обстоит дело с немецким народоведением. Оно во многом является для нас terra incognita. По существу книга Г. Е. Маркова впервые вводит нас в мир, который никому, кроме очень узких специалистов, не был известен.

Определенное представление о всем богатстве содержания второй части монографии может дать перечень глав: 1. «Немецкое народоведение от времени его возникновения до начала XX века»; 2. «Народоведение в 1920-х годах»; 3. «Народоведение в годы нацизма»; 4. «Народоведение в ФРГ после второй мировой войны»; 5. «Историография народоведения в ФРГ»; 6. «Австрийское и швейцарское народоведение».

Как показывает автор, немецкое народоведение возникло в результате синтеза так называемой «государственной науки» (основу которой составляла статистика) с романтической германистикой. Свое окончательное оформление эта наука получила в трудах В. Г. Рилья (1823—1897). Почти с самого своего начала немецкое народоведение имело довольно ярко выраженный националистическую окраску, а в последующем широкое распространение в нем получили шовинистические и расистские идеи. В результате оно внесло существенный вклад в формирование нацистской идеологии, а после 1933 г. многие его представители активно сотрудничали с фашистским режимом. Конечно, были народovedы, отрицательно относившиеся к нацистским порядкам и даже активно боровшиеся с ними, такие, например, как Р. Крис, приговоренный фашистским судом к смертной казни, и К. Хуберт, погибший в 1943 г. от рук гитлеровских палачей, но это не меняло общей картины.

Однако, как показывает автор, пронацистские или даже откровенно нацистские взгляды многих народovedов не дают основания с ходу отметить все их работы как не представляющие научной ценности. Определенный вклад в народоведение был сделан А. Шпамером, А. Бахом и особенно Г. Науманом, научная деятельность которого началась еще в 1920-х годах. Последний является крайне противоречивой фигурой. «С одной стороны, — пишет автор, — Науман стремился быть идеологом нарождавшегося „национал-социалистического народоведения“. Он выступал как апологет гитлеризма, ничтожный в своем низкопоклонстве перед главарями нацистской Германии... А с другой — ученый, создатель оригинальной научной теории, во многих своих частях несомнимой и даже враждебной основам нацистской идеологии, не отрешившийся от своего учения, несмотря на его резкую критику со стороны нацистов» (с. 282).

Самое, пожалуй, ценное в трудах Г. Наумана — это разработанное им еще в 20-х годах положение о раздвоении с переходом общества на более поздние этапы развития прежде единой «примитивной» культуры на культуру низших слоев общества, в первую очередь крестьянства, и культуру его высших слоев. Специальным объектом его исследования было взаимодействие этих двух культур. Привлекая богатейший фактический материал по крестьянской одежде, обычаям, народному языку и многим другим сторонам культуры и быта, Г. Науман нарисовал яркую картину «опускания культурного достоинства», т. е. усвоения культурных достижений верхов народными массами, особенно крестьянством. Согласно взглядам Г. Наумана, простонародная, прежде всего крестьянская культура, по существу своему не способна к самостоятельному развитию. Все изменения в ней связаны почти исключительно с проникновением в нее элементов культуры верхов, которая одна только способна к подлинному прогрессу. Повторяя слова швейцарского народоведа Гофман-Крейера «народ не производит, он репродуцирует», Г. Науман так раскрывал эту мысль: «Народ всегда отстаёт, он всегда питается остатками со стола духовно богатых» (цит. Г. Е. Марковым, с. 286).

Эти положения подверглись резкой критике со стороны людей, придерживавшихся самых различных взглядов. Их критиковали нацисты. Критиковали их и демократически настроенные ученые.

Однако Г. Науман, утверждая, что «все народное, как бы красиво оно ни выглядело, принадлежит преодолённому и прошедшему», тут же подчеркивал, что «из ценностей примитивной общей культуры восходит свежая, вечно молодая сила» (с. 287). Еще более красноречиво другое его высказывание:

«Сущность высокой культуры — личное, но корни ее — и это нужно осознать — лежат в примитивной общине, которая составляет ее вечную, глубокую и крепкую материнскую почву»².

Нельзя в этой связи не заметить, что проблема взаимодействия элитарной и простонародной культур, «высокой традиции» и «низкой традиции», начиная с 1950-х годов, активно обсуждается в англо-американской этнологии³. Правда, исследователи при этом не ссылаются на Г. Наумана и, возможно, не знакомы с его работами. Но фактом остается, что впервые эта проблема была глубоко разработана именно в трудах этого немецкого народоведа.

Вполне понятно, что исчерпать все богатство содержания монографии Г. Е. Маркова в краткой рецензии невозможно. Да это и не нужно. Никакая рецензия не может заменить знакомства с самой работой. Моя задача состоит в том, чтобы привлечь к ней внимание, которого она безусловно заслуживает. А сделать это необходимо хотя бы потому, что рецензируемая работа издана тиражом всего лишь в 250 экземпляров и при этом ротационным способом отнюдь не лучшего качества. Книга вполне может пройти совершенно незамеченной. И будет очень жаль, если такое случится.

Наличие у монографии Г. Е. Маркова большого числа несомненных достоинств отнюдь не исключает предъявления автору определенных претензий. Прежде всего нельзя не обратить внимания на то, что в книге полностью отсутствует этнология и народоведение ГДР.

Имеются в книге и некоторые неточности. Вряд ли, например, можно согласиться с автором, когда он утверждает, что в книге И. Я. Бахофена речь идет лишь о приоритете материнского счета родства и материнского права, но отнюдь не о матриархате, который де был приписан этому ученому его толкователями (с. 44). В самом названии труда И. Я. Бахофена стоит слово «гинекократия», которое можно перевести на русский язык только как «власть женщины». Г. Кунов характеризуется автором как сторонник концепции первобытного коммунизма. Я не знаком со всеми работами этого ученого и поэтому не исключаю того, что в каких-то ранних своих трудах он мог выступать именно в таком качестве. Но несомненно, что в своих поздних работах он категорически отвергал концепцию первобытного коммунизма⁴. Совершенно выпал из монографии такой крупный немецкий этнолог, как М. Шмидт, автор одной из первых книг, специально посвященных первобытной экономике⁵. А между тем его вместе с Р. Туривальдом некоторые исследователи считают даже основоположником той научной дисциплины, которая на Западе получила название экономической антропологии, а у нас — экономической этнологии⁶.

В целом ряде мест Г. Е. Марков не только излагает концепции тех или иных исследователей, но и высказывает свои собственные соображения по ряду поднятых ими проблем. Со многим из сказанного им можно согласиться. Но далеко не со всем.

«Так, думается,— пишет Г. Е. Марков,— Шмидт прав, говоря о том, что религия не возникла как следствие отвлеченных рассуждений человека (рассуждений „ищущего человека“), а тем более его мнимого (причем осознанного) бессилия перед природой, как это пытаются утверждать воинствующие атеисты» (с. 147. См. также с. 145, 148). Что касается концепции, согласно которой религия возникла как результат размышлений дикаря-философа о сущности тех или иных явлений (смерть, сон и т. п.), то, действительно, вряд ли ее можно принять. Иное дело — концепция, согласно которой главным корнем религии является беспомощность человека перед неподдающимися его контролю силами природы и силами общественного развития. Она, на мой взгляд, совершенно верна. И это бессилие человека является отнюдь не мнимым, а весьма и весьма реальным, особенно когда речь заходит о первобытности. Это — факт, который вряд ли кто сможет опровергнуть.

Г. Е. Марков полностью солидаризуется с В. Шмидтом и в его критике теории первобытного промискуитета. «Немногом современным сторонникам концепции „первобытного промискуитета“ в попытках его „доказательства“ приходится,— пишет он,— идти на ухищрения, не вызывающие никакого доверия, настолько они умозрительны и противоречат известным фактам» (с. 150). Какие же именно факты находятся в противоречии с концепцией первобытного промискуитета? Никакого ответа на этот вопрос автор не дает. По-видимому, он имеет в виду то, что промискуитет не обнаружен ни у одного из живущих ныне народов. Но ведь все без исключения сторонники этой теории считали и считают, что промискуитет существовал на такой стадии развития, которую все человечество давно уже миновало. И к каким-либо ухищрениям сторонникам концепции первобытного промискуитета нет абсолютно никакой необходимости прибегать. Они просто приводят огромное количество совершенно достоверных фактов, относящихся почти ко всем народам мира, которые, по их мнению, могут быть истолкованы только как пережитки существовавшего некогда промискуитета. Противники данной концепции все эти факты вообще никак не объясняют. Они их полностью игнорируют, просто делают вид, что их вообще не существует. Так делал В. Шмидт, так поступает Г. Е. Марков, такую позицию занимают и многие другие этнологи, как наши, так и зарубежные. Почему? По-видимому, им нечего сказать.

Еще один недостаток работы: в ней полностью отсутствует справочный аппарат. Нет даже именного указателя, который для историографических работ абсолютно необходим. Без него пользование таким трудом крайне затруднено.

В заключение еще раз подчеркну, что монография Г. Е. Маркова является крупным вкладом в историографию этнологической науки. Настоятельно необходимо ее новое издание. При подготовке его надо дополнить работу разделами, посвященными развитию этнологии и народоведения в ГДР, устранить неточности, убрать повторы, доработать структуру книги и снабдить ее справочным аппаратом, прежде всего именным указателем.

Ю. И. Семенов

¹ См. *Веселкин Е. А.* Кризис британской социальной антропологии. М., 1977; *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979; *Никишенков А. А.* Из истории английской этнографии. Кризис функционализма. М., 1986.

² *Naumann H.* Primitive Gemainschaftskultur. Jena, 1922. S. 517.

³ См. *Village India: Studies in the Little Community.* Chicago, 1955.

⁴ *Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. Т. 1. Хозяйство первобытных и полукультурных народов. М.; Л., 1929. С. 4—5, 64—65.

⁵ *Schmidt M.* Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftlehre. Bd 1. Stuttgart, 1920; Bd 2. 1921.

⁶ *Kocke J.* Some Early German Contributions to Economic Anthropology//Research in Economic Anthropology. V. 2. Greenwich, 1979.

© 1995 г., ЭО, № 4

Н. Н. Кулакова. Гаитийцы: формирование этноса (колониальная эпоха). М., 1993. 169 с.

Гаитянский этнос принадлежит к числу наиболее изученных в Вест-Индии. Этнографы, историки, религиоведы, литературоведы, лингвисты, политологи, фольклористы, экономисты — все они находят в этой небольшой стране нужный им материал и создают на основе его все новые и новые работы. Неудивительно: прошлое, да и настоящее Гаити поистине неповторимо, и множество написанных об этой стране книг никак не исчерпывает тех возможностей, которыми богаты все стороны жизни этого государства как в далекие, так и в близкие к нам времена.

Как и большинство Вест-Индских островов, Гаити сначала подвергся испанской колонизации, затем — французской, потерял свое индейское население, затем на его берегах, отнюдь не по своей воле, появились африканцы. Их трудом были созданы все богатства острова, и не только материальные, но и духовные, ибо именно в их среде возникла неповторимо своеобразная культура со своим языком, фольклором, сложной системой верований, оказавшая огромное влияние на тот комплекс, который мы имеем в виду, когда говорим о национальном своеобразии гаитянского народа.

Но это еще не все. По перечисленным параметрам ощущается довольно близкое родство с франкоязычным населением других островов архипелага, сюда можно включить и те, что прошли в своей истории «французский этап», оставивший заметные следы в их этнокультурной характеристике вплоть до сегодняшнего дня.

И в то же время Гаити выделяется такими особенностями своей истории — и, так сказать, «общей», и этнической, — которые разительно выделяют остров даже в том бесконечно разнообразном мире, каким является Антильский архипелаг. Прошлое его изобилует восстаниями рабов, но только на Гаити — единственный раз! — оно оказалось победоносным. Только на Гаити, впервые в Латинской Америке, было создано независимое государство. Ничего подобного ни на одном из островов Вест-Индии не произошло. Тот путь, на который таким образом вступили гаитяне, стал поистине уникальным и, следовательно, не мог не привлечь внимания многочисленных исследователей.

Из сказанного выше возможен вывод, что Н. Н. Кулаковой работать было нетрудно, ибо она могла опереться на огромный объем написанного ее предшественниками. На самом деле это не так. При всем объеме исследований на гаитянский тему этноисторическая проблематика не получила в них достаточного освещения. А самое главное — белым пятном осталась проблема истоков, проблема происхождения и формирования гаитийского этноса в колониальное время. Надо ли говорить, что без выяснения этого комплекса вопросов невозможно должным образом понять и истолковать специфику исторического развития народа Гаити на протяжении всего его исторического пути.

Но выявить проблему, даже самую актуальную, еще не значит решить ее.

Необходимо было установить, чему уделить преимущественное внимание, в каких сферах наиболее отчетливо запечатлены те процессы, анализ которых может дать наиболее достоверный ответ на стоящие перед автором вопросы.

Должен сказать, что Н. Н. Кулакова успешно справилась с этой непростой задачей. И в соответствии с теми выводами, к которым она пришла, построена и ее книга, состоящая из трех глав. Каждая глава посвящена одному из важнейших факторов, дающих в сумме тот сплав, на основе которого и сформировался гаитийский этнос. Это, во-первых, социально-экономическая эволюция острова как условие этнокультурного развития, а также социальная интеграция негритянской общности в период рабства, рассмотренная как объективная предпосылка этнической консолидации. И наконец, это — основные компоненты духовной культуры и этнического самосознания, рассмотренные в их динамике, в развитии.

Свою задачу я вижу не в пересказе содержания каждой из трех глав. Мне хотелось бы подчеркнуть в них те моменты, где наиболее ярко аргументирована мысль автора, наиболее обоснованы выводы, и выразить свое с ними согласие или несогласие.

В первой главе Н. Н. Кулаковой удалось, я считаю, убедительно проанализировать материал, показать основные моменты социально-экономического развития острова, умело связав их с непосредственно этнографической проблематикой.

В главе второй хотелось бы выделить моменты, связанные с формированием освободительных традиций у рабов.